

Второй день, раннее утро. Цзи Цайсюэ спускался с горы вслед за учителем, всё ещё пребывая в полусонном состоянии. Небо только начало светлеть. Лу Ван, освещая путь маленьким фонариком, шагал впереди. Не заметив, что у него под ногами, он наступил на сухую ветку, поскользнулся и врезался в спину учителя, лишь на нём и остановившись.

Спина у учителя была широкой и крепкой, а стоял он так устойчиво, что даже не пошатнулся от неожиданного толчка. Зато сам Цзи Цайсюэ содрал кожу на руках и разбил нос. У Лу Вана при себе не оказалось платка, поэтому он просто сорвал лист и протянул ученику:

— Ходишь как во сне. Неужели новость о том, что у тебя есть наставница, так тебя потрясла?

Услышав слово наставница, Цзи Цайсюэ сделал такое лицо, будто увидел привидение. Потерев нос, он нерешительно пробормотал:

— Учитель... вы ведь вчера... вы вчера точно не были пьяны, ха-ха...

— У тебя на лице написано, что ты пытаешься выведать секреты, — Лу Ван помог ему выпрямиться и, развернувшись, продолжил путь вниз. — Ты никогда не проявлял особого интереса к самосовершенствованию, с чего вдруг вздумал расспрашивать о мире бессмертных?

Раньше он и понятия не имел, что попал в книгу Видение небесного замысла! Цзи Цайсюэ возмущенно подумал об этом, а следом вспомнил про Свиток небесного замысла. Кто бы мог подумать, что обычный на вид и цвет предмет — это могущественный артефакт, способный повергнуть в хаос весь мир бессмертных.

— Учитель, что это за место такое — Персиковый сад, о котором вы говорили? — увидев, что Лу Ван не собирается ничего скрывать, Цзи Цайсюэ поспешил догнать его.

— Персиковый сад — это святая земля для земных практиков, место, ближе всего расположенное к миру совершенствующихся, — не оборачиваясь, ответил Лу Ван. — Там изобилие духовной энергии, идеальное место для тех, у кого есть корень духа. Твоя наставница — хозяйка того места.

Духовная энергия — Цзи Цайсюэ слышал об этом не впервые. Они и спустились-то в храм Гуаньинь, чтобы изучить свиток, именно потому, что там уровень духовной энергии был аномально высок. Артефакты мира бессмертных лучше всего работают там, где этой энергии в достатке. Она питает кости и меридианы, облегчая практику.

— Моя наставница настолько сильна! — глаза Цзи Цайсюэ округлились. Подумав, он решил, что это логично: такой человек, как его учитель, вряд ли выбрал бы себе заурядную пару. — А какой у неё уровень? Зарождение младенца или Золотое ядро?

— Твоя наставница пришла из мира совершенствующихся, её уровень мастерства далеко

превосходит возможности людей этого мира, — небо уже достаточно посветлело, Лу Ван погасил фонарь. Вдали показались желтые глиняные стены храма. — Я даже удара его не смогу выдержать, куда уж мне равняться с ним.

Хотя в голосе Лу Вана не прозвучало горечи, Цзи Цайсюэ уловил нотки печали и решил не расспрашивать дальше. Притворившись беспечным, он вбежал в храм первым и, вытащив свиток из ящика, решил перевести тему:

— Позвольте взглянуть на этот так называемый Свиток небесного замысла...

Холод пробежал по позвоночнику. Тело Цзи Цайсюэ одеревенело, рука, сжимавшая свиток, дрогнула. На том месте, где вчера не было ни единого знака, теперь отчетливо проступали шестнадцать иероглифов:

Любимый ученик погубит учителя, чувства отсечены, не спрашивай.

Любовная связь разорвана, прошлое подобно пыли.

Лу Ван заметил неладное и, оставив фонарь у порога, широким шагом вошел внутрь. Он был высокого роста и, оказавшись за спиной Цзи Цайсюэ, сразу увидел содержание свитка. Заметив, что младший ученик побледнел и, открыв рот, не может произнести ни слова, он нахмурился, но тут же расслабил брови.

— Испугался?

Цзи Цайсюэ сглотнул. Он не мог понять, поверил ли Лу Ван написанному. Выглядел он не так, будто принял это всерьез, но абсурдность ситуации заключалась в том, что это была правда. Это же артефакт главного героя, свиток, предсказывавший любые события!

— Учитель, это не я, — проговорил он, и голос его дрожал. Только сейчас он по-настоящему осознал, что значит поговорка: невежество — это блаженство. Ему хотелось бы остаться в неведении.

— Если не ты, чего бояться? Твои слабые навыки... если бы ты и правда мог меня убить, то лишь потому, что я сам не захотел бы жить, — Лу Ван беззлобно щелкнул его по затылку. Однако лицо Цзи Цайсюэ не прояснилось. Встретившись взглядом с учителем, он честно признался: — Я боюсь, что это действительно могу быть я, или... что это будет старший брат.

В этих драматичных историях нет никакой логики. Поначалу многие думали, что Гуань Чжигэ не поднимет руку на своего спутника жизни, а в итоге он это сделал. А с другой стороны... если этот любимый ученик не он, то остается только... его безупречный старший брат.

Брат ушел слишком давно. За три года не пришло ни одного письма. Цзи Цайсюэ даже начал забывать, как тот улыбается, и не мог с уверенностью сказать, что брат не способен на такое.

Даже несмотря на то, что именно брат когда-то подобрал его в снегу и был рядом долгие годы.

— Не забивай голову ерундой. Эта вещь появилась неизвестно откуда, не факт, что она говорит правду, — Лу Ван забрал у него свиток. Глядя на зловещие письма, он на мгновение помрачнел. — Даже если это правда, узнав будущее заранее, разве я не смогу изменить свою судьбу?

Слова, произнесенные практиком, звучали почти как вызов небесному пути. Лу Ван заставил Цзи Цайсюэ сесть перед статуей бодхисаттвы для медитации. Глядя на милосердное лицо божества, Цзи Цайсюэ почувствовал странную тяжесть на душе. Помедлив, он стиснул зубы и сказал:

— Учитель, позвольте и мне попробовать активировать свиток.

Лу Ван бросил на него взгляд и, немного подумав, кивнул. Цзи Цайсюэ уколол палец и капнул кровью на свиток.

Пока свиток проявлял ответ, Цзи Цайсюэ сел на коврик и попытался войти в состояние покоя, но сумбурные мысли мешали сосредоточиться. Лу Ван заметил его беспокойство и, поглаживая пальцами свежую щетину на подбородке, произнес:

— Ты ведь интересовался своей наставницей? Хочешь спросить — спрашивай.

Цзи Цайсюэ распахнул глаза и развернулся на коврике к учителю. Он знал, что Лу Ван просто хочет отвлечь его от свитка, но этот метод всегда работал безотказно. Он не считал себя сплетником, но раз уж такая история сама плывет в руки, как можно отказаться?

— Как вы с наставницей познакомились? И почему расстались?

— В детстве на мою деревню напали разбойники. Я ушел в лес за дровами и чудом спасся, — Лу Ван сидел скрестив ноги, опираясь локтями на колени. На его лице отразились воспоминания. — Мой дом сожгли дотла, а тут еще и неурожайный год. Я был на грани голодной смерти, когда он проходил мимо и спас меня. Позже он забрал меня в Персиковый сад. Оказалось, у меня неплохие способности, я начал совершенствоваться под его началом. И оставался с ним десять лет.

Цзи Цайсюэ никогда не знал о таком прошлом своего учителя. Небесный путь действительно любит сценарии, где человек возрождается из пепла. Наставница спас ему жизнь, они провели вместе долгие годы, так что их сближение было вполне закономерным.

Но при мысли о спасении жизни перед глазами снова почудились снежинки. Отбросив лишние мысли, он спросил:

— А что потом? Почему вы расстались?

— Жить в Персиковом саду слишком легко, там слишком быстро достигаешь уровня вознесения, а моей силы было недостаточно, чтобы вознестись.

Цзи Цайсюэ смотрел на Лу Вана, чувствуя себя так, будто слушает отличника, который жалуется на плохие оценки. Лу Ван встретился с ним взглядом, подошел и щелкнул по лбу, а когда Цзи Цайсюэ охнул, сложил руки на груди и добавил:

— Мир совершенствующихся — не такое уж хорошее место. Без оков мирской морали люди там становятся лишь более корыстными и готовы на всё ради своей цели.

Цзи Цайсюэ много раз перечитывал Видение небесного замысла и знал, что за внешним блеском этого мира скрывается грязь. Но, видя предвзятое отношение учителя, он понимал: тут явно кроется глубокая личная обида. И точно, следующая фраза Лу Вана разрешила все сомнения:

— Твою наставницу изгнали из мира совершенствующихся. А тот, кто стал виновником его падения, одним ударом может отправить меня на тот свет.

— Как мог найтись такой безумный старший брат, что поднял руку на собственного младшего?

Стоило лишь упомянуть об этом, как рука Лу Вана, сжатая в кулак, напряглась, на ней вздулись вены. Стало ясно, что его спокойствие лишь напускное. Цзи Цайсюэ, взбудораженный этим сюжетом, напомнившим ему события книги, помолчал, ожидая, пока Лу Ван возьмет себя в руки, и тихо спросил:

— Могу я узнать имя наставницы?

— Е Янь, по прозвищу Цзыцзянь. Не знаю, кто дал ему такое имя, — Лу Ван усмехнулся, и в его голосе прозвучал холод. — Вся его жизнь прошла в невзгодах, он столько выстрадал.

<http://bllate.org/book/18928/1852089>